ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316

10.17213/2075-2067-2021-4-6-16

ТЕРРОРИЗМ В РОССИЙСКОМ РЕГИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ И ОЦЕНКИ В РЕГИОНАЛЬНОМ СОЦИУМЕ

© 2021 г. В. Н. Гурба

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Целью представленной статьи является социологический анализ терроризма в российском региональном пространстве через осмысление особенностей восприятия и оценки данного социально-политического и социально-психологического феномена на уровне общественных настроений регионального социума.

Методология исследования является выбором субъектно-субъектной парадигмы, восходящей к теориям общества риска, массовых движений, трансформации в региональном пространстве, что содержит возможность интегрировать субъектно-деятельностные, институциональные и структурно-организационные параметры для выработки многомерной модели исследования. При этом автор исследования опирается на работы М. К. Горшкова, Н. Н. Гусева, С. А. Кравченко.

Полученные результаты исследования содержат основополагающий момент необходимости общественной дискуссии относительно «природы и вектора терроризма» в региональном пространстве. С включением данного механизма, согласно позиции автора статьи, региональный социум обретает состояние позитивной мобилизованности, ограничивающей отношение к терроризму как экстремальному явлению и ориентированности на практическую помощь населения властным и специализированным структурам в нейтрализации рисков терроризма. Автор статьи полагает, что региональный социум испытывает потребность во влиянии на реальные дела и реальное решение региональных проблем, что означает понимание терроризма как социально негативного явления, которое является затратным, требует отвлечения средств от необходимых региональных проектов. Соответственно, формирование в региональном социуме культуры интолерантности (нетерпимости к терроризму) является барьером на пути пропаганды и распространения террористической активности.

Ключевые слова: региональное пространство; региональный социум; терроризм; террористическая активность; властные институты; культура интолерантности.

**TERRORISM IN THE RUSSIAN REGIONAL SPACE:
PECULIARITIES OF PERCEPTION AND EVALUATION
IN THE REGIONAL SOCIETY**

© 2021 V. N. Gurba

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

The purpose of the article is a sociological analysis of terrorism in the Russian regional space through understanding the peculiarities of perception and evaluation of this socio-political and socio-psychological phenomenon at the level of public sentiment of the regional society.

The research methodology is the choice of a subject-subject paradigm that goes back to the theories of risk society, mass movements, transformation in the regional space, which makes it possible to integrate subject-activity, institutional and structural-organizational parameters to develop a multidimensional research model. At the same time, the author of the study relies on the works of M. K. Gorshkov, N. N. Gusev, S. A. Kravchenko.

The results of the study contain a fundamental point of the need for public discussion regarding the «nature and vector of terrorism» in the regional space. With the inclusion of this mechanism, according to the position of the author of the article, the regional society acquires a state of positive mobilization, limiting the attitude to terrorism as an extreme phenomenon and focusing on the practical assistance of the population to the authorities and specialized structures in neutralizing the risks of terrorism. The author of the article believes that the regional society feels the need to influence real affairs and the real solution of regional problems, which means understanding terrorism as a socially negative phenomenon that is costly, requires diverting funds from the necessary regional projects. Accordingly, the formation of a culture of intolerance (intolerance to terrorism) in the regional society is a barrier to the propaganda and dissemination of terrorist activity.

Key words: regional space; regional society; terrorism; terrorist activity; power institutions; culture of tolerance.

Постановка проблемы. В контексте происходящих процессов консолидации регионального пространства в российском обществе, что имеет актуальное социально-политическое значение, внутренние и внешние вызовы развитию страны являются долгосрочными, поскольку современный мир характеризуется высокой степенью социальной турбулентности и социальной неопределенностью. Действовать по правилу «абсолютной эксклюзии, замкнутости» является явно неосуществимым, затратным, вносящим в общественную жизнь социальную напряженность.

Вероятно, поэтому в региональной политике российского государства доминирующим становится тренд оптимизации, основанный на стратегии поддержки реги-

онов в обеспечении устойчивого развития, но, с другой стороны, сохраняющий ставку на баланс централизации и децентрализации межрегиональных отношений с целью рационального использования финансовых, организационных, политико-правовых ресурсов. Вышесказанное относится к рискам терроризма как системного социально-политического, социально-психологического и геополитического характера явления, оказывающего деструктивное влияние на различные аспекты общественной жизни и общественных настроений в региональном пространстве [3].

Исходя из того, что терроризм стал «константой» современного общественно-го развития и приобрел глобальную направленность, есть необходимость анализа ре-

гиональных различий восприятия и оценки терроризма в региональном социуме. Это актуально в связи с тем, что, во-первых, терроризм с признанием высокой степени риска для общественно-политического и социально-психологического состояния общества различается по степени «инфильтрации», воздействия на общественные настроения деструктивных эффектов для системы региональной безопасности. Не отрицая того, что борьба и профилактика терроризма требует интегрированных усилий в контексте взаимодействий федерального центра и регионов, соглашаясь с тем, что необходимо основываться на политико-правовых, оперативных, информационных стандартах нейтрализации террористических угроз и рисков в рамках концентрации ресурсов, достижения эффективных результатов и социального мониторинга, можно сказать, что введение критерия особенности восприятия терроризма в региональном социуме является очевидным и обоснованным.

Вероятно, анализ терроризма как явления становится неполным, если не принимать во внимание вроде бы знакомую, но часто не воспринимаемую как имеющую глубокий смысл для понимания государственно-политического и общественно-политического устройства России реальность. Следует подчеркнуть, что вопросы обсуждения регионального и межрегионального устройства России в настоящий момент закрыты и, не будучи ориентированными на создание единого политико-правового пространства, выстраивание иерархии региональных и межрегиональных отношений, а также нейтрализацию рисков регионального сепаратизма, обретают качественно новое звучание, что соответствует изменениям в региональном пространстве и региональной политике.

Риски терроризма воспроизводятся в современных условиях в силу совокупности внешних и внутренних факторов, о чем свидетельствует наблюдаемая напряженность на границах постсоветского пространства, связанная с дестабилизацией ситуации в Афганистане, Нагорном Карабахе, что имеет последствием рост неконтролируемой миграции и соответствующим образом, как показывает опыт, интенсивность проникновения в Россию радикальных ислам-

ских элементов, которые хотя и потерпели поражение в проекте «ИГ», нацелены на Россию как площадку не только для повторения попытки перестройки современного мира, но и для того, чтобы используя сложную региональную мозаику и неурегулированность «тлеющих» этнорегиональных конфликтов, социально-ресурсных различий, социально-демографической ситуации, а также этноконфессиональных и этнокультурных «сбоев», попытаться реализовать наступление эпохи «терроризма и хаоса».

Поэтому изучение в социологическом срезе терроризма включает региональный аспект, необходимый в контекстуальном смысле как понимание многомерности терроризма как явления, а в социально-практическом — диагноз настроений регионального социума, дающий размышления для возможностей реализации антитеррористической политики на современном этапе.

Методология исследования. Исходя из того, что социологический анализ терроризма имеет различные отправные точки зрения, важным является то, что изучение терроризма в социологическом аспекте является относительно новой традицией отечественной и зарубежной социологической мысли. Здесь следует принимать во внимание, что хотя терроризм как социально-политическое и социально-идейное явление имеет солидный исторический «бэкграунд», реально он обретает влияние и известность в XX–XXI вв., становится глобальным и прочно входит в дискурс современной социологии. В этом смысле действует непрерывная социологическая артикуляция, включающая подходы неклассической и постклассической социологии. Российский исследователь Н. Н. Гусев обращает внимание на понимание социальной детерминации терроризма в методологических установках бихевиоризма, подчеркивая, что формула «стимул-реакция», характерная для концепции бихевиоризма, позволяет выделить основные причины терроризма и видеть в нем реакцию на социальную среду, в то же время нельзя описывать методологический выбор в пользу бихевиоризма как безупречный [11]. Дело в том, что бихевиористская концепция, и это признавал ее основной фун-

датор Скиннер, является интересной в контексте исследования феноменов массового социального поведения и перевода социально-психологических констант на «язык» социологии, но содержит упрощенные для социального диагноза терроризма результаты. Современный терроризм нельзя описывать как реактивный, так как инициаторами террористических движений являются не массы, движимые социальными инстинктами, а выходцы из обеспеченных, образованных слоев общества, как свидетельствует история «Аль-Каиды». Также вызывающим возражения можно назвать редуцирование терроризма к совокупности стимулов, так как истоки зарождения и развития терроризма определяются овердетерминантами, факторами, имеющими внутреннее экзогенное значение. Терроризм в Северной Ирландии, на Шри-Ланке, на Балканах имеет социокультурные и социально-политические различия, но характеризуется воздействием внутренних культурно-исторических факторов. Когда говорят о перспективах недопустимости «ревизионизма» на Балканах, объективно отчуждаются от того факта, что этнические конфликты связаны с тем, что к жизни были вызваны «спящие» этнические, этноконфессиональные риски, которые сформировались еще в далеком прошлом балканских народов.

Поэтому методология исследования, принимая во внимание результаты, которые можно сформировать как предварительные подходы к анализу терроризма, требует в целях не криминализации и стигматизации терроризма, что создавало бы нестабильный социальный фон и приводило к неконтролируемости террористической деятельности, сделать акцент на субъектно-субъектной парадигме, рассматривать терроризм с точки зрения субъекта террористической активности, включающей уровень общественных движений. В современных условиях массовые движения становятся основными субъектами общественных изменений, и в этом смысле терроризм может рассматриваться как субъект изменений, преследующий деформированные, ложные, мифологизированные цели, создающие общий контур действий в рамках конструирования картины «плохого мира», который должен быть

низвергнут массами, возглавляемыми террористическими «пророками».

С позиций неклассической социологии важно выявить механизмы формирования субъектов терроризма, рассматривать терроризм в рамках анализа «террористического потенциала» общества в целом и социальной адресатности терроризма. Очевидно, что терроризм терпит поражение, как это произошло в Северной Ирландии и Стране Басков в середине XX века, когда теряет массовую поддержку, оценивается как бесперспективный для общественного развития путь, приносит страдания в жизнь многих людей.

В этом смысле исследование терроризма предполагает в рамках субъектно-субъектной парадигмы выявление структурно-организационных, функциональных и деятельности параметров, содержащих возможности социологического портрета субъектов террористической деятельности. Это соответствует тому факту, что внешне терроризм может быть социально не адресатен, иметь иррациональное стремление посеять страх и ужас в обществе. Однако, системный анализ выявляет как тренд нацеленность на совершение террористических действий в соответствии с реализацией программных позиций террористических организаций. Если обратиться к современной истории «распада и войны» в Сирии, становится ясным, что терроризм стал определять жизнь общества, так как трагическому периоду для населения Ближнего Востока (Сирия, Ирак) предшествовала целенаправленная деятельность субъектов террора, которые сформировали проект «ИГ», опорной базы террора в регионе и, как показали последующие события на европейском континенте, используя эффект, так называемой «арабской весны», приведшей независимо от желания ее участников не к обществу «свободы и демократии», а утрате территориальной целостности государств, росту насилия, возрождения средневековых псевдорелигиозных традиций, а также стремлению «вернуться к эпохе шариата» в борьбе с «отступниками», будь то националисты, либералы или консерваторы.

Вышесказанное приводит к выводу, что методологический выбор, признавая важность достигнутых результатов в концептах бихевиоризма, структурно-функционального

анализа, теории стигматизации, определяется применением принципов субъектно-субъектного подхода.

Вероятно, следует обратить внимание, что теория стигматизации, описываемая в зарубежной социологической мысли в 1950-е гг., «всплыла» вновь в XXI веке. Это связано с тем, что наблюдается рост в европейском пространстве страхов, порождаемых не столько интенсификацией миграционных потоков, сколько теми «неизвестностями», которые определяются связкой «ислам-терроризм». Разумеется, в общественно-политическом дискурсе данное обсуждение исключается в рамках борьбы с ксенофобией, этнорасизмом. Но примечательная вещь состоит в том, что для общественного мнения и общественного восприятия, как отмечал журнал «News week» в 2005 году, в Европе стали «бояться сильнее» мусульман не в последнюю очередь из-за волны терроризма.

В России теория стигматизации терроризма не является востребованной ни на общероссийском, ни на региональном уровнях. Не исключая допущения, что «стигма» может использоваться как модель восприятия и оценки в региональном социуме конкретными слоями и группами, у которых терроризм ассоциируется с определенными конфессиональными или этническими моментами, следует подчеркнуть, что исследование терроризма в российском региональном пространстве имеет перспективные результаты в диагнозе терроризма как социокультурного и социально-политического феномена в измерении структурно-функциональных, институциональных и субъектно-деятельностных параметров [1]. По существу, востребована многомерная модель, актуализирующая схемы классической, неклассической и неоклассической социологии. Это важно в том смысле, что во имя избежания методологического эклектизма выстраивается иерархия процедур, определяемых как доминирование субъектно-субъектной парадигмы, как показали исследования российских авторов школы М. К. Горшкова.

По крайней мере, потеряла новизну и оказалась ограниченной в понимании терроризма в региональном пространстве конструктивистская схема, от которой постепенно, хотя и негласно, отказываются исследователи

терроризма. Это очевидно и в связи с тем, что, как показали исследования ростовских социологов во главе с Ю. Г. Волковым, в современной научной литературе требуется рассматривать региональный социум в контексте процессов интеграции и дезинтеграции, глобализации и локализации, централизации и децентрализации. Очевидно также, что требуется введение дискурса формальных и неформальных институциональных практик, которые демонстрируют восприятие и оценку терроризма в региональном социуме, как алгоритмы, насыщенные мифологизированными смыслами. Это выявляется в том, что терроризм нуждается в объективной оценке вне страхов и тревог, порождаемых массовым сознанием. Достичь данной позиции сложно, так как терроризм сопряжен и ассоциирован с «хоррором», чего, собственно, и добиваются идеологи терроризма.

Терроризм в региональном пространстве российского общества, безусловно, явление «молодое» и, в первую очередь, определяемое включением России в глобальное пространство, процессами постсоветского периода и внутренними вызовами, связанными с напряжениями в социальных, этнополитических, этнокультурных и, что не менее важно, межрегиональных и внутрирегиональных отношениях. Поэтому для методологии исследования терроризма в региональном пространстве российского общества определенным образом следует исходить из особенностей восприятия и оценки в региональном социуме. Действительно, если исследователь нацелен на диагностику терроризма и не ограничивается утверждением его «объективной природы» в современном мире, эпистемологически обоснованным является положение о том, что терроризм становится реальностью, когда по известной социологической формуле «явление становится реальным, если о нем думать, как о реальном». Реальные последствия влияния терроризма в региональном пространстве, очевидно, состоят в том, что, независимо от результатов террористических действий, восприятие и оценка в региональном социуме является базовой.

Материалы исследования. Российские социологи выпустили в 2015 г. фундамен-

тальный труд «Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства», что явилось безусловным исследовательским шагом к пониманию процессов дифференциации и интеграции социального пространства России с целью консолидации российского общества и повышения эффективности социального управления. На предшествующем этапе регионы рассматривались преимущественно в социально-экономическом и социально-политическом контекстах, особое внимание уделялось налаживанию устойчивых отношений между федеральным Центром и регионами, что было объяснимым в соответствии с преодолением рецидивов регионального сепаратизма и замкнутости, а также совершенствования хозяйственно-экономических и организационных механизмов взаимодействия на межрегиональном уровне. В нынешней ситуации, когда речь идет о вопросах модернизации региональных и внутрирегиональных отношений, о распределении сфер компетентности между федеральным Центром и регионами, актуальной становится совместная ответственность на региональном уровне обеспечения стратегий сохранения территориальной целостности и национальной безопасности [6].

В этой связи очевидным является анализ антитеррористического потенциала российских регионов, поскольку нейтрализация и борьба с террористическими угрозами смещается в региональное пространство, где вектор напряженности определяется и объективными показателями (уровень социальной напряженности в регионах, имеющий способность конвертироваться в открытые протестные действия и активизацию террористических групп, использующих недовольство и тревогу населения для дестабилизации общественно-политической ситуации). Субъективное измерение терроризма в региональном пространстве является недостаточно изученным, имеет основания как в «деликатности» опросов относительно угроз терроризма, так и в том, что терроризм «объективируется», то есть не определяются культурно-символические и социально-психологические основания терроризма и террористической деятельности.

Между тем, угрозы терроризма являются «константой» в общественных настроениях

россиян, имеют перспективу пространственного расширения, не ограничиваясь российскими мегаполисами или приграничными этнорегионами. На обыденном уровне терроризм может восприниматься как негативное, но имеющее место быть в локализованных пространствах явление. Однако, «терроризм как социокультурное явление прочно вошел в массовое сознание россиян», о чем свидетельствуют результаты социологического мониторинга последнего пятилетия посткризисного периода в современной российской истории. Хотя речь идет о внутренних и внешних угрозах, не определяемых в прямом смысле терроризмом, для россиян реальность некоторых событий, связанных с терроризмом (гражданская война, межэтнические и межконфессиональные конфликты), затрагивает социальное самочувствие трети респондентов [7].

На наш взгляд, можно проследить субъективные оценки, квалифицирующие терроризм в зависимости от информационной компетентности (осведомленности о характере, векторе и причинах терроризма в российском обществе) и тревог, вызванных рисками терроризма как снижения чувства социальной безопасности, социальной уверенности, социальной дезориентации. В этом смысле региональное пространство России дифференцировано: есть основания считать, что тревоги по поводу терроризма в большей степени испытывают жители российских мегаполисов, прошедшие через опыт террористических действий и регионов, где борьба с терроризмом становится, увы, обыденным явлением, опривычивается в массовом сознании.

Тем не менее, есть основания считать, что терроризм в региональном социуме стал «модальным» и рассматривается как социальная реальность, «спящая», «замороженная», но имеющая возможности «вырваться наружу», внести катастрофизм в настроения населения. Здесь важно учитывать в то же время, что россияне с историей, богатой самыми невероятными и непредсказуемыми событиями, относятся к терроризму несколько иначе, чем жители современной Европы, для которых терроризм является шок-ом в комфортной социальной и политической среде [3]. В региональном пространстве

российского общества терроризм воспринимается как внутренний вызов, который является относительно новым по сравнению с предшествующими угрозами общественной жизни, и его влияние воспринимается в более ограниченных масштабах, локализовано по сравнению с угрозами гражданской войны и распада страны.

Также следует подчеркнуть, что восприятие и оценка терроризма в региональном социуме основывается на субъективных показателях стабильности регионального пространства, поддержания стратегии устойчивого регионального развития и усиливается или имеет тенденцию к спаду в зависимости от доверия к деятельности властных, правоохранительных и специальных антитеррористических структур. Этот вывод подтверждается тем, что есть корреляция между уровнем доверия общественным и политическим институтам и оценкой реальности террористических угроз, притом неизменным в общерегиональных показателях является уровень доверия институту Президента России как гаранта общественной безопасности и стабильности, немаловажное значение имеет уровень доверия руководителю региона. Так, можно говорить о соотношении показателей доверия институту Президента и руководителю региона как главной «связке», ориентированной на реализацию стратегии борьбы с терроризмом в региональном пространстве [8].

Еще одной заметной тенденцией в нынешних условиях является спад «антимосковских» настроений. В начале 2000-х гг. отмечалось, что Москва в региональном пространстве воспринимается как город-антигерой [2]. Нестоличных россиян раздражала роскошь, непомерные затраты на городские проекты, несправедливый по сравнению с регионами уровень жизни. Как следствие, террористические акты на фоне московской жизни, разумеется, воспринимались как посягательства на национальную безопасность страны и вызывали комплекс повышенных ожиданий относительно более решительной и последовательной борьбы с терроризмом. Но можно отметить и другой момент: население испытывало «негативную» солидарность с жертвами терроризма, в массовых настроениях регионального социума

слабо прослеживалась консолидированная позиция, хотя радикальные оценки «так им и надо» можно считать маргинальными. Актуальным для данного момента являлся запрос на поддержку «общественников», осведомителей [9].

Имелось в виду, что террористическая среда обладает высокой степенью непроницаемости, является следствием неконтролируемой миграции, и в этом контексте терроризм в региональном пространстве стал восприниматься в рамках снижения потока внешних мигрантов, что особенно проявлялось в Сибири, на Дальнем Востоке, Северном Кавказе. Этот вывод подтверждается недавними исследованиями ростовских ученых в рамках реализованного проекта о возможностях имплементации зарубежного опыта, где делается вывод о том, что в региональном пространстве важным моментом для нейтрализации настроений катастрофизма по поводу терроризма является общественное обсуждение ситуации в сфере межэтнических проблем (средний показатель — 21,2%) [4]. Это, на наш взгляд, связано с тем, что в региональном социуме террористические угрозы ассоциируются с напряженностью в межэтнических отношениях, что терроризм воспринимается как этноориентированный, связанный с восприимчивостью определенных этнических групп к принятию идеологии радикализма, содержащего легитимацию терроризма как действенного средства за восстановление справедливости в межэтнических отношениях.

Следует, правда, внести поправку, связанную с тем, что в региональном социуме, как подтверждают результаты социологического мониторинга, восприятие терроризма в массовом сознании понимается как внутренняя угроза, требующая социальной и межэтнической консолидации. Вместе с тем можно сделать вывод о том, что субъективный фактор имеет дифференцирующий характер, связанный с местом терроризма в иерархии страхов и тревог россиян. Отмечая, что терроризм является реальностью, определяемой общественными настроениями и общественным сознанием в региональном социуме, мы можем вывести следующую особенность российского регионального пространства: исследуемый

феномен маргинален, актуализируется или становится приоритетным, когда терроризм становится «актуальным событием» и уходит в тень или находится в «замороженном» состоянии в условиях перехода террористической активности в спящее состояние.

Это является достаточно противоречивым явлением, так как особенность терроризма в России состоит в стремлении наладить региональную инфраструктуру, действовать, опираясь на ресурсы поддержки и понимания отдельных групп регионального социума, обладающих высокой степенью восприимчивости к идеологии «восстановления справедливости», практикуемой деятелями террористических структур в России. Отмечая, что в массовом сознании позитивную роль играет феномен «российского» ислама, выражаемый в восприятии мусульман как соотечественников, как носителей российской многонациональной цивилизации [5], нельзя не пройти мимо тех упущений в организационной, информационной и культурно-воспитательной работе властных институтов на региональном уровне.

Общепризнанно, что формирование российского патриотизма как консолидирующего инструмента в борьбе с терроризмом требует системности, основанной на взаимодействии властных, общественных институтов и социально-активных групп населения регионального социума. Очевидно также, что «забвение» терроризма как социокультурной реальности общественного сознания приводит к тому, что, во-первых, противодействие терроризму переносится в сферу ответственности властных структур, и негативным последствием является индифферентность населения в привлечении к нейтрализации террористической пропаганды и активности. Во-вторых, в рамках исследуемого явления нельзя останавливаться на фиксировании спада или взлета тревог по отношению к терроризму. Оптимальным является выбор стратегии интолерантности к терроризму, ориентированности на недопустимость пропаганды и легитимации террористической деятельности в социальных сетях и контактах, перемена вектора в социальной мобильности регионального социума на восприятие терроризма не только экстремального явления по аналогу с со-

циальными и природными катастрофами, но в перспективе устойчивого социального развития регионов консолидированная позиция регионального социума по выработке общего контура действий и общих целей по отношению к образам и оценкам терроризма в общественных настроениях.

Заключение. Это означает, что, во-первых, есть необходимость преодолеть ситуацию «глухоты» и «немоты» в обсуждении терроризма, но через установление пропорций и пределов, не позволяющих перейти «красную черту» пропаганды терроризма, и разработать методику участия экспертов в сфере социогуманитарной мысли, вовлеченных в существо проблемы на региональном уровне в контексте ее общероссийской актуальности. Можно в таком случае говорить об уравновешенном внутренне мобилизованном состоянии российского общества, в том, что в контекстах повседневной жизни регионального социума восприятие терроризма требует признания угроз как рисков для всех групп населения, независимо от влияния социально-дифференцирующего фактора, отказ от переноса ответственности на массовые группы населения, которые уязвимы в силу использования общественной инфраструктуры (транспорт, торговые и развлекательные центры, уличное пространство).

Определяя феномен терроризма в социальных настроениях регионального социума, мы убеждаемся в том, что террор как фактор не имеет системного характера, а страхи и тревоги по поводу терроризма в региональном пространстве не институционализировались, они спонтанны. Но если использовать избранную субъектно-субъектную схему, становится ясным, и это логично в рамках предпринимаемого исследования, что анализ опросов общественного мнения по проблемам, которые ассоциируются с терроризмом, позволяют привести некоторые уточнения. Так, например, позицию, которую демонстрируют субъекты регионального социума по отношению к терроризму, изменяют в зависимости от «опыта переживания и оценки терроризма», от диспозиций в отношении того, что воспринимается как причина терроризма. И этот вывод является

вполне предсказуемым в контексте восприятия терроризма как внутренней угрозы, как того, что касается россиян в целом, вне зависимости от регионального фактора, места проживания.

Нельзя не учитывать, что российские регионы испытывают влияние глобализации и не только по геополитическим свойствам, по факторам пограничья. Формирование «спящих» ячеек терроризма в глубинных регионах России, но имеющих этнокультурные, мигрантские, конфессиональные особенности, свидетельствует о том, что восприятие терроризма не локализовано, что хотя и действуют штампы, что терроризм является «кавказским» или «столичным» явлением, в реальности настроения регионального социума определяются осознанием последствий терроризма на общероссийском и региональном уровнях. Очевидно, это понимается так, что стратегия поддержки развития регионов и, следовательно, реализация социально значимых региональных проектов встречает сложности, если наблюдается рост террористической активности, и, соответственно, расходов на обеспечение национальной безопасности.

Во-вторых, неудивительно, что терроризм является негативным в восприятии россиян и общественные настроения далеки от того, чтобы считать террористическую активность борьбой за восстановление социальной и исторической справедливости. В-третьих, учитывая, что терроризм посягает на сложившийся культурно-цивилизационный порядок, на отношениях взаимосоотрудничества и понимания между конфессиями и этносами России, в региональном пространстве проявляется тенденция оценивать терроризм в контексте состояния российского общества. Сетевая активность в Интернете и протестные акции не имеют адресатом, как правило, усиление борьбы с терроризмом, и не оправдываются ожидания зарубежних экспертов, что Россию захлестнут катастрофические настроения по поводу угрозы терроризму. В российском региональном социуме восприятие терроризма, как отмечалось ранее, не ассоциируется с «шоком», проблема заключается в том, что в современных условиях важнейшим приоритетом регионального социума

является желание «разделить» проблемы терроризма как сферы компетентности властных структур и в этом значении поддерживать их деятельность и сосредоточиться на реальном решении реальных региональных проблем.

Можно сделать вывод о том, что особенность восприятия и оценки терроризма в региональном социуме отражает исторический опыт россиян, включающий готовность к «поворотам и неожиданностям» общественной жизни. Но одновременно проявляется ориентированность на общественно-политическую стабильность, на укрепление чувства уверенности в будущем, что терроризм не превратится в «демона» российского общества, который будет влиять на региональное пространство в рамках ограничения возможностей регионального развития и использоваться несистемными политическими силами для обвинений властных институтов в непрофессионализме, некомпетентности, недоверии со стороны регионального социума.

Литература

1. Горшков М. К. Есть такая профессия — общество изучать. — М.: Издательство АСТ, 2020. — 464 с.
2. Город-антигерой // Русский Newsweek. — 2008. — №33 (111). — С. 12–15.
3. Кравченко С. А. Социологическое знание через призму «стрелы времени»: востребованность гуманистического поворота / С. А. Кравченко. — М.: МГИМО-Университет, 2015. — 342 с.
4. Национальная политика в России: возможность имплементации зарубежного опыта: монография / отв. ред. Ю. Г. Волков. — М.: Социально-гуманитарные знания, 2016. — 422 с.
5. По-нашему, по-исламски // Русский Newsweek. — 2008. — №3 (81). — С. 42–46.
6. Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России / отв. ред. В. В. Маркин. — М.: Новый Хронограф, 2015. — 621 с.
7. Российское общество и вызовы времени. Книга четвертая / М. К. Горшков и др.; под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. — М.: Весь Мир, 2016 г. — 400 с.

8. Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / М.К. Горшков и др.; отв. ред. М.К. Горшков, В.В. Петухов. — М.: Весь Мир, 2015. — 432 с.

9. Отзовитесь бомбисты // Русский Newsweek. — 2008. — №33 (111). — С. 22–25.

10. Страхи Европы // Русский Newsweek. — 2008. — №40 (212). — С. 31–36.

11. Бельский В.Ю., Бороздин А.Н., Гусев Н.Н., Сацута А.И. Терроризм в исторической ретроспективе и современных условиях. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. — 479 с.

References

1. Gorshkov M.K. Est' takaja profes-sija — obshhestvo izuchat' [There is such a profession — to study society]. — Moscow: Izdatel'stvo AST, 2020. — 464 p.

2. Gorod-antigeroy [The anti-hero city] // Russkij Newsweek. — 2008. — №33 (111). — Pp. 12–15.

3. Kravchenko S.A. Sociologicheskoe znanie cherez prizmu «strely vremeni»: vostrebovanost' gumanisticheskogo povorota [Sociological knowledge through the prism of the «arrow of time»: the relevance of the humanistic turn] / S.A. Kravchenko. — Moscow: MGIMO-Universitet, 2015. — 342 p.

4. Nacional'naja politika v Rossii: voz-mozhnost' implementacii zarubezhnogo opyta: monografija [National politics in Russia: the possibility of implementation of foreign experience: monograph] / otv. red. Ju. G. Volkov [in Yu. G. Volkov (eds.)]. — Moscow: Social'no-gumanitarnye znaniya, 2016. — 422 p.

5. Po-nashemu, po-islamski [In our way, in Islamic] // Russkij Newsweek. — 2008. — №3 (81). — Pp. 42–46.

6. Regional'naja sociologija: problemy konsolidacii social'nogo prostranstva Rossii [Regional sociology: problems of consolidation of the social space of Russia] / otv. red. V.V. Markin [in V.V. Markin (eds.)]. — Moscow: Novyj Hronograf, 2015. — 621 p.

7. Rossijskoe obshhestvo i vyzovy vremeni. Kniga chetvertaja [Russian society and the challenges of time. The fourth book] / M.K. Gorshkov i dr.; pod red. M.K. Gorshkova, V.V. Petuhova [M. K. Gorshkov et al.; in M.K. Gorshkov, V.V. Petukhov (eds.)]. — Moscow: Ves' Mir, 2016 g. — 400 p.

8. Rossijskoe obshhestvo i vyzovy vremeni. Kniga vtoraja [Russian society and the challenges of the time. The second book] / M.K. Gorshkov i dr.; otv. red. M.K. Gorshkov, V.V. Petuhov [M. K. Gorshkov et al.; in M.K. Gorshkov, V.V. Petukhov (eds.)]. — Moscow: Ves' Mir, 2015. — 432 p.

9. Otvovites' bombisty [Respond to the bombers] // Russkij Newsweek. — 2008. — №33 (111). — Pp. 22–25.

10. Strahi Evropy [Fears of Europe] // Russkij Newsweek. — 2008. — №40 (212). — Pp. 31–36.

11. Bel'skij V. Ju., Borozdin A.N., Gusev N.N., Sacuta A.I. Terrorizm v istoricheskoy retrospektive i sovremennyh uslovijah [Terrorism in historical perspective and current conditions]. — Moscow: JuNITI-DANA, 2017. — 479 p.

Поступила в редакцию

12 апреля 2021 г.

Гурба Владимир Николаевич — доктор социологических наук, профессор, заместитель полномочного представителя Президента РФ в ЮФО, заведующий кафедрой конфликтологии и национальной безопасности Института социологии и регионоведения Южного федерального университета.

Gurba Vladimir Nikolaevich — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation in the Southern Federal District, Head of the Department of Conflictology and National Security of the Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University.

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160, оф. 303
160 Pushkinskaya st., of. 303, 344006, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: social_rostov@mail.ru